

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

**Концепты эмоциональной сферы в русской и
английской языковой картине мира
(на материале паремий)**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите:

Исполнитель:
Минегалеева Светлана Марсовна
Студентка 432 группы

Руководитель ОПОП
45.03.02 «ЛИНГВИСТИКА»

_____

подпись

Профиль: перевод и
переводоведение

«__» _____ 2016

Научный руководитель:
Богуславская Е.Л.,
Кандидат филологических наук

Зав. кафедрой
«__» _____ 2016

_____

подпись

Екатеринбург 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Теоретические аспекты исследования.....	8
1.1. Понятие «концепт».....	8
1.2. Методы исследования концептов.....	15
1.3. Методы и методики лингвокультурологического исследования	19
1.4. Эмоциональные концепты.....	23
1.5. Языковая картина мира.....	26
Выводы по 1 главе.....	32
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ.....	33
2.1. Понятийная составляющая эмоционального концепта «страх/fear».....	34
2.2. Понятийная составляющая эмоционального концепта «зависть/envy».....	36
2.3. Предметно-образное содержание пословиц и поговорок, вербализующих концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах.	38
2.4. Предметно-образное содержание пословиц и поговорок, вербализующих концепт «зависть» в английской и русской лингвокультурах.....	43
Выводы по 2 главе.....	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	47
Библиографический список.....	48
Приложение.....	56

ВВЕДЕНИЕ

Каждый язык богат разнообразными крылатыми выражениями, поговорками, пословицами, идиоматическими выражениями, которые встречаются при повседневном общении людей, а также в газетах, литературе, в кинофильмах, теле- и радиопередачах. Не существует таких языков, в которых не было бы пословиц и поговорок, идиом и фразеологических оборотов. Конечно, не являются исключением русский и английский языки.

Давным-давно отмечено, что дух и мудрость народа ярко проявляются в его фольклоре, а именно в пословицах и поговорках. Ведь изучение пословиц и поговорок того или иного народа помогает лучшему пониманию языка, характера народа и образа мыслей.

Мое исследование осуществлено в рамках лингвокультурологии, которое в соответствии с всеобщей тенденцией современного языковедения, рассматривает язык в тесной связи с человеком, его практической и духовной деятельностью. Главным постулатом данной науки является исследование в органической целостности языка, культуры этноса и менталитета. В своих трудах В. В. Воробьев пишет, что «язык – это нация (национальная личность) – центральная триада лингвокультурологии – культура, фокус, в котором встречаются и могут быть решены существенные проблемы этой отрасли знания» [Воробьев, 1997: 12].

Во все времена язык оставался ярко-выраженной идентифицирующей характеристикой этноса. Ведь в нем отражено национальное видение и своеобразие народа. Системная семантика единиц и структура языка коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа, согласно концепции Э. Сепира – Б. Уорфа. Следовательно, язык может быть источником (иногда единственным) сведений о психологии, культуре и мировидении народа. Сквозь призму

языка просматривают особенности национального характера, моральные и этнические установки, стереотипы поведения, и др. Это позволяет ученым подходить к языку, как к объекту, способному разъяснить такие феномены, как культура, сознание, личность, мышление, общество.

Язык приобретает высокую значимость в исследовании конкретных национальных культур. Многие современные исследователи (Ю. С. Степанов, А. М. Мелерович, А. Апресян, А. Вежбицкая, Ю. Н. Караулов, Ю. Д. Арутюнова, Е. С. Кубряков, Т. В. Булыгина и др.) полагают, что только через язык возможно полноценное познание культуры и души народа. В своих трудах ученые приводят доказательства, что языковые данные играют главную роль для понимания менталитета народа и своеобразия культуры. Вербальный текст, помимо явного содержания, из-за которого он создается. В «неявной форме отражает культурные и этнические смыслы и содержит информацию об индивидуальной и этнической ментальности своего автора» [Хроленко, 2000: 79]. При этом задача лингвиста заключается в том, чтобы выявить, как в слове аккумулируются культурные смыслы, и как слово способствует функционированию культуры.

Решить данную задачу поможет изучение основных понятий культуры, которые в современных исследованиях обозначаются термином «концепт» (О. В. Иващенко, Н. М. Абакарова, Е. В. Алтабаева, В. Н. Базылев, А. Б. Болхоева). Концепты представляют собой результат сопряжения этнокультурных и языковых знаний, согласно суждениям лингвокультурологов, язык является способом формирования концептов и средством сообщения. Концепты структурируются разноуровневыми языковыми единицами: словами, синтаксическими конструкциями, паремиями, фразеологизмами и др. Во всем богатстве своего содержания концепт может быть выражен совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает его часть. Изучить содержание и сущность концепта можно, если максимально полно выделить состав языковых средств, репрезентирующих концепт, и описать семантику этих единиц. В. В. Колесов

считает, что описание словесных знаков по концептам национального менталитета является принципиально новой формой толкования слов, так как языковые единицы (слова) выступают материалом концепта. [Колесов, 1999: 156]. Поскольку слово – «не эквивалент... предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в ... момент изобретения слова» [В. фон Гумбольдт, цит. по Зубкова, 1989: 32], то концепты разных культур имеют различия даже в том случае, если обозначающие их слова тождественны или синонимичны. Исследование концептов помогает выявить системность их образа, культурные стереотипы, которые отражают особенности национального характера, а также дает возможность получить более полное знание о понятии, существующем в сознании носителей культуры и языка.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления общего и специфического в пословицах и поговорках на материале английского и русского языков и теоретического осмысления их в аспекте проблемы взаимосвязи культуры и языка, что будет способствовать более глубокому пониманию эмоционального восприятия, отраженного в языковой картине мира. Данный аспект способствует выделению основных «эмоциональных» концептов, взятых за главные, которые позволяют более детально и четко изучить национальные особенности двух народов, что в свою очередь, может способствовать успешности межкультурного общения и переводческой деятельности.

Объектом предпринятого исследования являются эмоциональные концепты «страх/fear», «зависть/envy» репрезентированный посредством лексических и паремиологических единиц в английской и русской лингвокультурах.

Для того чтобы очертить границы концепта, из всей совокупности языковых средств, с помощью которых концепт представлен в языке, в качестве **предмета исследования** мы выбрали эмоции: страх и зависть, и его производные, а также паремиологические единицы с компонентом.

Целью исследования является проведение сопоставительного анализа русских и английских эмоциональных концептов «страх/fear», «зависть/envy» на материале паремий. Для достижения поставленной цели в исследовании ставятся и решаются следующие **задачи**:

- Охарактеризовать понятия «концепт», «языковая картина мира», «эмоциональный концепт»
- Выбрать из различных источников паремии, вербализующие исследуемые концепты
- Выявить ядро и провести синонимические ряды концептов, используя лексикографические источники.
- Проанализировать сходства/различия концептов в английской и русской лингвокультурах.

Материалом исследования послужили 122 английских и 118 русских паремий с компонентами «страх/fear», 56 английских и 166 русских с компонентом «зависть/envy», которые были отобраны методом сплошной выборки из словарей и контекстов, отобранных из художественной литературы.

В ходе данной работы были использованы следующие **методы**:

- Метод сплошной выборки русских и английских паремий.
- Сопоставительный анализ, который позволяет установить сходства и различия в языковой реализации концептов в русской и английской лингвокультурах.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что подробно исследуется реализация концептов «страх/fear» и «зависть/envy» в английском и русском языке на материале паремий.

Практическая ценность работы заключается в возможности использовать полученные результаты в практике лексикологии,

межкультурной коммуникации, теоретической грамматики русского и английского языков, страноведения, а также в практике перевода.

Теоретической и методологической базой исследования послужили: литература различного справочно-словарного рода – для сопоставления различных вариантов дефиниций, а также для извлечения необходимых для анализа паремий.

Структура работы: выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, выводов по 1 и 2 главам, заключения, библиографии и приложения. Библиография включает 100 наименований работ отечественных авторов, а также перечень информационных Интернет-ресурсов и справочных изданий.

ГЛАВА 1. Теоретические аспекты исследования

1.1. Понятие «концепт»

Лингвокультурология – молодая наука, модель которой в текущий момент продолжает формироваться. Для решения ее задач необходимо выбрать понятийный аппарат, способный обеспечивать точное определение предмета и объекта исследования, устанавливать между ними связи. Создание и обоснование этого аппарата в настоящее время активно разрабатывается.

Концепт – это один из наиболее употребляемых общенаучных терминов в современной лингвокультурологии. Тем не менее, значение этого термина для научных исследований требует уточнения. Проведенный анализ справочных изданий и теоретических исследований показывает, что понимание термина расходится.

Сгруппируем определения термина по критерию выделения особых свойств соответствующего понятия в энциклопедических справочниках.

Определение концепта как «содержание понятия, то же, что и смысл» дается в целом ряде справочников: «Большой советской энциклопедии» [БСЭ: 1049], «Советском энциклопедическом словаре» [СЭС: 633], «Философском энциклопедическом словаре» [ФЭС: 83] и «Словаре по логике» [СЛ: 148]. СЭС отдельно отмечает, что содержание понятия выявляется в лексеме. «Большой энциклопедический словарь» определяет концепт как «смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) имени».

О том, что «в естественном языке под концептом понимают абстрактное содержание» отмечается в «Логическом словаре». Он сближает концепт и понятие, поскольку эти термины определяют «целостную совокупность свойств объекта» [ЛС: 91].

«Современный философский словарь» [СФС: 665] и «Лингвистический энциклопедический словарь» [ЛЭС: 384] определяют термины «концепт» (понятие) и «значение» как явления одного порядка, рассматриваемые в различных системах связей: значение рассматривается в языковой системе, а понятие – в логических отношениях и формах, используемых в языкознании и логике [ЛЭС: 384].

Похожие определения концепта дают «Логический словарь-справочник» [ЛСС] и «Философский словарь» [ФС]. Эти словари определяют концепт как умственный образ, понятие, общую мысль, что несколько отличается от определений в других справочниках [ФС: 167, ЛСС: 925].

Заметим, что термин «понятие» является общим во всех словарных определениях, рассмотренных выше. Выделим основное значение этого термина на основе тех же справочников. В первую очередь, понятие содержит неразрывную связь с языком, зафиксировано в языковых формах, включает в себе смысл. Также, понятие является способом обобщения явлений и предметов. Оно обобщает и мысленно выделяет предметы некоторых классов по совокупности специфических признаков. Понятие – это определенная система знаний. Оно является абстракцией, что имитирует отделение понятия от действительности, но, на самом деле, позволяет глубже познать действительность, выделяя и исследуя ее существенные стороны [ФС: 351].

Значения термина «понятие» возможно перенести и на термин «концепт», поскольку они рассматриваются в справочниках как связанные гиперо-гипонимическими отношениями.

Ф.Ф. Фархутдинова обобщает сведения о концепте, как о «некоторой системе знаний (имеющей определенное содержание, ядро и периферию), объединяющую представление об определенных предметах или явлениях реального или представляемого мира, выделяя в нем самое существенное, способной развиваться и существующей в форме умственного образа, общей мысли. Такая система реализуется в языковых знаках» [Фархутдинова, 2000: 24].

Общенаучное понятие концепта, интегрируясь в частную научную парадигму, приобретает характерные черты. На примере современной антропоцентрической лингвистики можно увидеть, как понятие «концепт» активно осмысливается и «обживает» новое теоретическое пространство.

Концепт – тема многих научных работ, однако и в них встречается различное понимание этого термина. Оно зависит, как правило, от специализации автора работы и его подхода к изучаемому вопросу.

Отметим, что вопрос определения концепта не является для науки новым, впервые поднимаясь еще в средневековых спорах «об универсалиях». Над изучением этого вопроса работали Л. Вейсгербер, В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня и другие ученые. Данной проблеме посвящена работа «Концепт и слово» С.А. Аскольдова-Алексеева. Она положила начало новому концептуально-культурному направлению в науке. Автор подходит к концепту в мысленно-деятельностном ключе, описывая его то как проекцию общего механизма действия над конкретностями, то как действие по мысленной обработке (анализу и синтезу) конкретностей, то как связующее звено между понятием и представлениями [Аскольдов, 1997: 272-274]. По его мнению, основная функция концепта – замещение; это дает ученому возможность разделить концепты на художественные и познавательные, отличающиеся друг от друга сложностью и характером обобщаемого материала. Концепт представлен в языке множеством значений слова, считает С. А. Аскольдов-Алексеев.

Работа С. А. Аскольдова-Алексеева, несмотря на свой эскизный характер, обратила внимание ученых на существование особого типа понятий.

Несмотря на эскизный характер, статья С. А. Аскольдова заставила ученых задуматься о существовании понятий особого типа. Д. С. Лихачев, продолжает идею С. А. Аскольдова в статье «Концептосфера русского языка», но полагает, что концепт – это «алгебраическое» выражение значения..., которым человек оперирует в своей устной и письменной речи»

[Лихачев, 1997: 281]. Ученый рассматривает понятие «концепт» в ключе речевой индивидуальности, указывая на его нестабильность, изменчивость.

В этой статье Д.С. Лихачев вводит термин «концептосфера», который закрепился в отечественной науке. Он определяет его как «совокупность концептов нации, образованную всеми потенциями концептов носителей языка». Ученый замечает, что богатство концептосферы связано с богатством национальной культуры, фольклора, литературы, науки, изобразительного искусства, исторического опыта народа, его религии. Тем не менее, эту статью не следует считать исчерпывающим исследованием понятия «концепт», автор фокусируется в ней только на отдельных свойствах этого феномена.

Ряд научно-теоретических работ последних двадцати лет посвящен специальному исследованию понятия «концепт». Например, З. Д. Попова и И. А. Стернин рассматривают термин с позиции когнитивной лингвистики, считая его «глобальной мыслительной единицей, представляющей собой квант структурированного сознания» [Попова, Стернин, 1999: 3]. Поскольку концепт – это ментальная сущность, он может как иметь словесное выражение, так и не иметь его. Концепты, как единицы мыслительной деятельности, открываются людям через соответствующие языковые ключи. По мнению исследователей, содержание концепта нельзя определить языком, поскольку оно «отражает действительность в сознании субъекта, познающего её» [Попова, Стернин, 2001: 57]. Авторы не согласны с гипотезой лингвистической относительности, которая говорит о решающем вкладе языка при формировании сознания, образа мышления, мировидения личности или социума. Национальная специфика концептов, по мнению лингвистов, проявляется в различиях между содержанием близких концептов, (как правило, не отраженных в языковых единицах), а также в безэквивалентных единицах языка. Ученые считают, что каждой языковой единице соответствует некоторый концепт, и множество национальных

концептов это не только общекультурные категории, но и предметы быта (самовар, борщ, валенки).

Типология концептов З. Д. Поповой и И. А. Стернина построена на соответствии типа знаний, выраженного языковыми единицами, определенному концепту. Лингвисты классифицируют концепты на:

- Представления (наглядный образ предмета или явления);
- Схемы
- Понятия (образ предмета как результат осмысления его существенных признаков)
- Фреймы (совокупности типовых знаний)
- Гештальт-концепты (сложные мыслительные структуры: судьба, любовь и др.)

Также концепты можно разделить по степени абстрактности (абстрактные – конкретные); по наблюдаемости (вербализованные – невербализованные); по степени устойчивости (устойчивые – неустойчивые) [Попова, Стернин, 2001: 72-74].

Ю. С. Степанов подходит к рассмотрению понятия «концепт» с позиций культурологии. Он называет концепты «сгустками культуры в языковом сознании человека» полагая, что это ментальные сущности, которые несут на себе отпечаток духовного облика. Концепты рассматриваются ученым как предметы эмоций, их можно не только осмыслить, но и пережить [Степанов, 1997: 41]. Исходя из этого свойства концептов, ученый в работе «Константы. Словарь русской культуры» акцентирует внимание на концептах, имеющих важное значение для духовного мира и самосознания человека: душа, воля, правда, родина. По его мнению, главная функция концепта в хранении и передаче информации между поколениями. Концепты не только позволяют культуре проникнуть в сознание человека, но и позволяют самому человеку, даже не будучи создателем культурных ценностей, проникать в культуру и оказывать на нее влияние, считает ученый [Степанов, 1997: 40-41].

В процессе анализа и описания концептов, Ю. С. Степанов опирается на данные языка и других семиотических систем в культурно-ретроспективном ключе. Он не дает концептам определения и описания исходя из их лингвистических фактов. Предлагаемая им типология основывается на способе выражения культурной значимости концептов. Лингвист разделяет концепты на рамочные – их содержание можно определить некоторыми признаками, образующими «рамку» (цивилизация), и имеющие плотное ядро – их культурная значимость выражается всей сущностью понятия (вера, любовь) [Степанов, 1997: 68].

Подход В. И. Карасика к изучению концептов носит психолингвистический характер. Ученый рассматривает понятие как «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование», содержащее рациональные, эмоциональные, абстрактные и конкретные черты. По мнению исследователя, концепт связан с языковой личностью, а в ее структуре особое место занимают духовные ценности, как фундаментальные характеристики культуры, и высшие ориентиры поведения. Таким образом, концепты выделяются путем сопоставления ценностных суждений, которые вытекают из поведенческих моделей. Значения слов, устойчивых выражений и прецедентные тексты отражают такие поведенческие модели [Карасик, 1996: 15].

Потребности антропоцентрического подхода к языку, актуальные для современной лингвистики, приводят к появлению различных взглядов на традиционный термин «концепт». Каждое направление этой науки выделяет собственные специфические свойства этого понятия, фокусируясь на связи концепта с психикой, сознанием или культурой языковой личности, ее этническими особенностями. Лингвокультурология рассматривает концепты как совокупность языковых и этнокультурных знаний. Наука признает связь концепта и языковых средств выражения, однако среди ученых нет единого мнения о том, насколько значимыми являются соотносимые с концептом языковые единицы. Для дальнейшего развития науки необходимым является

выделение методологической платформы, формирование понятийного аппарата и создание метаязыка.

1.2. Методы исследования концептов

В лингвистике существуют разные подходы к анализу концептов, разные способы их описания, которые основываются на использовании разнообразного исследовательского материала. Чаще всего используются следующие методики:

1. Выделение сем в составе главного слова.

Подвергаются анализу толкования базовой лексической репрезентации концепта в различных толковых словарях. Зачастую исследователи используют диахронный анализ. Они привлекают этимологические данные, сведения о становлении и развитии значения ключевой лексемы

2. Анализ лексических парадигм различного типа и объема, которые формируют тот или иной концепт:

а) синонимического ряда ключевого слова. Подобный анализ позволяет сделать акцент на дифференциальные признаки концепта, которые выявляются в сопоставлении ключевой лексической репрезентации с близкими по значению словами;

б) анализ лексико-фразеологического и лексико-семантического ассоциативно-семантического поля ключевого слова. Данный метод предполагает подбор не только антонимов, но и синонимов, гиперонима и согипонимов ключевого слова, а также выявление периферии поля и ядра;

в) анализ деривационного поля ключевого слова. Анализ деривационных возможностей ключевой лексемы, реализующей концепт, и семантики выявленных дериватов также позволяет обнаружить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта.

3. Анализ материала афоризмов и паремий. Ученые, которые опираются на данную методику при исследовании концептосферы языка, обычно говорят о национально-культурном своеобразии соответствующих концептов, о специфике их содержания в концептосфере носителя той или

иной культуры. Однако, не всегда учитывается, насколько «насколько установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка» [Попова, Стернин, 2001: 82].

4. Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта, проводимый обычно на материале публицистических и художественных текстов и позволяет, в частности, выявить некоторые признаки в составе концепта, которые приобрели символический смысл.

Выбор методики и материала для описания содержания концепта не может быть произвольным. Конкретный языковой материал будет отражать конкретные аспекты содержания концепта (его диахронный или синхронный пласт или же стороны концепта, актуальные для той или иной социальной группы носителей языка). Например, описание концептуального содержания того или иного понятия на материале паремий, которые зафиксированы в словаре В. И. Даля, не дает полной уверенности в том, что созданная таким путем модель концепта будет совпадать с концептом, существующим в сознании носителей современного русского литературного языка.

По всей видимости, если ставить своей целью описание содержания концепта в его современном состоянии, то необходим, прежде всего, анализ современного текстового функционирования языковых репрезентаций концепта и/или данных психолингвистических экспериментов, которые могут дать представление об актуальности тех или иных признаков концепта в сознании современных носителей языка (или какой-то их части).

Ценность дискурсного подхода к исследованию концептов определяется самой природой дискурса, его динамическим, лингвосоциальным характером. Дискурс оказывается «средством реализации концептов» и «средой обитания», и тем, что влияет на их изменение и развитие. При изучении концептосферы языка, на наш взгляд, важно выделить так называемого виртуального измерения дискурса [Шейгал, 2000: 12], связанного с когнитивным фоном, который включает какие-то концептуальные модели, представление о типичном речевом поведении (о

нормах речевого поведения), о жанрах, свойственных данному типу речи, знание прецедентных текстов и т.п. Значимым также является и учет конкретных видов дискурса (массово – информативный, религиозный, педагогический, политический и др.) [Карасик, 1999: 43].

Экспериментальные методики предоставляют дополнительные возможности для описания содержания концептов. Словари разных типов, безусловно, отражают многие стороны содержания концепта, тем не менее, часто важная для понимания содержания концепта информация эмоционального и оценочного плана остается за пределами словарной статьи. Результаты психолингвистических экспериментов позволяют дополнить представление о содержании концепта, сложившееся при изучении материалов лексикографических источников, текстового материала, а также конкретизировать это представление относительно определенной группы носителей языка. При достаточно большом количестве испытуемых результаты эксперимента могут рассматриваться как отражение тех элементов концепта, которые являются «национально значимыми».

Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемым предлагаются слова-стимулы, на которые они должны отвечать любой словесной формой, приходящей им в голову. Этот метод позволяет выявить наибольшее количество различных признаков концепта; частотность реакций свидетельствует об их актуальности / неактуальности в сознании испытуемых. Другой вид психолингвистического эксперимента – рецептивный эксперимент; его цель – исследование знания, понимания значения языковой единицы носителями языка. При этом могут использоваться различные методики (например, испытуемым предлагают дать свое определение значения слова; назвать слова, близкие по значению, и слова, противоположные по значению; описать зрительный образ, который вызывает слово; подобрать слово, наиболее подходящее к предложенной дефиниции, и др.).

Во многих работах, посвященных анализу концептов, используется одновременно несколько из вышеперечисленных методов, что связано, видимо, с представлением о природе концепта как «кванта знания», различные признаки которого могут эксплицироваться в языке и речи.

Применение комплексной методики исследования концептов является, очевидно, наиболее целесообразным, т.к. многоаспектное описание языковых репрезентаций концепта и их текстового функционирования позволяет наиболее полно представить содержание и структуру изучаемого концепта.

Необходимо учитывать также, что концепт - это динамическое явление, так как содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой ценностей и приоритетов. В лексико-семантических, фразеологических и словообразовательных системах языков запечатлеваются ядерные, апробированные временем представления об окружающей действительности, тогда как в ассоциативно-дискурсивных реализациях - не только основные, но и сопутствующие, факультативные или новые знания об этих явлениях.

Использование различных методик исследования дает возможность определить вариативные и устойчивые элементы в содержании концепта, изучаемого в диахронном и контрастивном аспектах.

1.3. Методы и методики лингвокультурологического исследования

Для получения новых знаний и разносторонней интерпретации материала лингвокультурологии, как новой области научного знания, необходимы собственные методы исследования.

Основные принципы научного мышления, такие как индукция, дедукция, синтез и анализ, сравнение и др., применимы и в лингвокультурологии. По мнению В.В. Колесова, лингвокультурологические исследования должны соответствовать главному требованию филологического познания – сочетанию индукции (перехода от частного к общему) и дедукции (перехода от общего к частному) [Колесов, 1999: 284].

Наряду с указанными выше методами, в лингвокультурологических исследованиях применяют проверенные методы из других областей лингвистики, культурологии и этнографии, но адаптированные к новому материалу.

Ряд ученых обращает внимание на то, что лингвокультурологии не хватает собственных, специфичных методов исследования, создающих общую базу для феноменов «язык», «культура» и «менталитет», на которых основана эта область знаний.

В современной лингвокультурологии можно выделить несколько направлений со своими исследовательскими методами, зависящих от анализируемого материала, целей и установок исследователей. Ю. С. Степанов замечает, что только применение совокупности, комбинации различных методик в науке целесообразно, поскольку позволяет достигать качественной и цельной характеристики анализируемых материалов [Степанов, 1997: 45].

Среди методов, используемых учеными при лингвокультурологическом анализе, можно выделить:

- лингвокультурологический метод В. В. Воробьева

- метод историко-ретроспективного изучения интерпретации В. М. Шаклеина
- метод лингвокультурологического анализа «фразеологического языка» В. Н. Телии
- когнитивно - культурологический анализ М. Л. Ковшовой
- концептуальный анализ паремий Ф. Ф. Фархутдиновой.

В. М. Шаклеин предлагает использовать для проведения лингвокультурологического анализа текстов широким набором методов из лингвистики и культурологии, в виду специфики изучаемого языкового материала, что позволяет достигать более целостного описания.

Системное изучение лингвокультурологических единиц лежит в основе метода лингвокультурологического поля В. В. Воробьева. Поле – совокупность языковых единиц, которые объединены общим содержанием и имеют иерархическую структуру, стало широко применяющимся в лингвистике понятием. Ученый изучает объекты лингвокультурологии в единстве синтактики, семантики, парадигматики и синтагматики. Эти аспекты, сводимые воедино, позволяют комплексно рассмотреть единицы, связывающие языковые и внеязыковые значения. Основываясь на нахождении общего и отличного в признаках, возможно сформировать структуру поля из его элементов. Основными составляющими лингвокультурологического поля являются: ядро (имя) поля, классы (группы) его единиц, категориальные отношения единиц, их парадигматика и синтагматика.

Когнитивная схема М. Л. Ковшовой позволяет выявлять культурное знание путем интерпретации фразеологических единиц. Она включает в себя несколько стадий, приводящих к осмыслению и восприятию культурного знания. Первый этап – осмысление денотативной информации, которую содержит значение. На следующем этапе необходимо интерпретировать денотативную информацию исходя из культурных установок социума. В ходе третьего этапа интерпретируемое оценивается на основе социо-культурных установок. На четвертом этапе необходимо образно представить

интерпретируемую языковую единицу. Пятый этап соотносит интерпретируемое и культурные установки, а денотативный блок и образ – с кодом культуры. Заключительный этап – образное представление, «оживленное» культурной памятью.

Методика лингвокультурологического анализа концептов культуры В. Н. Телии позволяет рассматривать слова, фразеологические единицы и паремии в качестве культурных текстов. Эти языковые единицы – важные составляющие культурных концептов.

В. Н. Телия предложила методику концептуального анализа, которая также состоит из нескольких этапов. На первом этапе необходимо выявить все языковые единицы, которые использует этнос для обозначения концепта. Затем – параметризовать концепт по его частям. На третьем этапе – построить концептуальный каркас и наложить на него способы номинации концепта, после чего, исходя из здравого смысла, можно выделить таксономические сетки внутри каждого из параметров каркаса. Для каждого из параметров концепта выявляется базовая метафора. Эта базовая метафора соотносится с культурными стереотипами этноса [Телия, 1996: 260-262].

В противовес дедуктивной методики В. Н. Телии, Ф. Ф. Фархутдиновой была предложена методика анализа паремических вариантов концептов, основанная на методе индукции – от языкового материала к концепту. Для проведения анализа необходимо собрать паремии в объеме, достаточном для установления сущности концепта. Техника прочтения собранных единиц должна обращать внимание исследователя на буквальном содержании паремий. Принципы такой интерпретации текстов сформулированы и обоснованы Д. К. Кавелиным, но заложены были еще в античности. Затем, необходимо проанализировать вариативность форм паремий и их связь друг с другом. Четвертый этап подразумевает выявление уникального внутри универсального: т.е. особенности языкового знания, реализованного в паремических единицах, определяющего доминанты их образной системы и

структурируется паремический вариант концепта народной культуры [Фархутдинова, 2000: 33-39].

Подводя итог, скажем, что лингвокультурология, как молодая наука, разрабатывает собственные методы исследования языкового материала, принимая во внимание предшествующий научный опыт и учитывая специфику исследуемого материала.

1.4. Эмоциональные концепты

При означивании эмоций в сознании они приобретают собственное содержание, репрезентируясь в эмоциональных представлениях или когнитивных образах, в состав которых входят экстероцептивные и интероцептивные компоненты, сигнализирующие субъекту об изменениях в его внутреннем мире с точки зрения значимости для него окружающих лиц, предметов, явлений и событий [Дорфман, 1997:148, 161]. Представления человека о его внутреннем мире образуют в сознании эмоциональную концептосферу, состоящую из системы динамично развивающихся мыслительных конструкторов – эмоциональных концептов.

В связи с незавершенным определением понятия «концепт», одним из спорных вопросов в его исследовании является типология концептов. Они обычно типологизируются а) структурно-семантически (лексические, фразеологические); б) дискурсно (научные, художественные, обыденные); в) социологически (универсальные, этнические, групповые, индивидуальные) [Красавский, 2001a: 55].

Что касается эмоциональных концептов, на первый взгляд кажется логичным относить их к разряду универсальных, поскольку именно эмоции являются «центральной частью, которая делает представителей разных этносов более или менее похожих друг на друга» [Шаховский, 1996: 87]. При этом, как установлено, эмоциональным концептам свойственна этноспецифичность, которая обусловлена «индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры». В то же время, эмоциональные концепты предопределяются варьирующимся характером манифестации «многоплановости взаимодействий» культуры, языка и эмоций [Шаховский, 1996: 86, 87].

А. Вежбицкая считает, что каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека. [Вежбицкая, 1997: 334] Это позволяет считать эмоции «таксоном культуры»: их концепты,

имея «материальные экспоненты в языке» [Шаховский, 2001a: 19], проявляют при этом национально-культурную специфику.

Н. А. Красавский определяет эмоциональные концепты как структурно-смысловое образование, имеющее лексическую и/или фразеологическую вербализацию, а также этнически и культурно обусловленное. Они базируются на понятийной основе и, помимо самого понятия, включают в себя его образ и культурную ценность. Эмоциональные концепты функционально замещают предметы мира человеку в процессе рефлексии, вызывают пристрастное отношение человека. [Красавский, 2001a: 60]. Среди факторов, определяющих принадлежность эмоциональных концептов к этносу, Красавский отмечает традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п. Эти факторы исторически формируются на всем протяжении развития, становления этноса [Красавский, 2001a: 74]. Основу эмоциональных концептов составляет эмоциональное понятие, которое формируется на базе перцептивных образов реального мира и фиксирует признаки эмоционально насыщенных явлений. Поскольку эмоциональные концепты являются ментальными сущностями, их можно также интерпретировать как особую форму метарегуляции психических процессов, основанной на знаковой репрезентации, которая обеспечивает обобщенную, абстрактную, социально-выработанную категоризацию и организацию информации об эмоциональных переживаниях в виде системы взаимосвязанных языковых значений [Рейковский, 1979: 54-55].

И, наконец, отличительным признаком эмоциональных концептов является их интеллигибельность, поскольку эмоции, как известно, недоступны прямому визуальному наблюдению и представляют собой «бестелесную и трудно постижимую абстракцию» [Чернейко, 1997: 109; Воркачев, 2002: 83].

Данное понимание сущности эмоционального концепта, как культурно отмеченного вербализованного смысла, которым наделяет носитель языка свои эмоции, позволяет выделять в нем понятийный, образный и ценностный

аспекты, экспликация которых предполагает использование различных методов лингвокультурологического анализа.

1.5. Языковая картина мира

Сознание – это высшая форма психической деятельности, его наличие отличает человека от животных. Как особый способ отношения человека к миру, сознание формируется в процессе осмысления и преобразования знания о его объективных закономерностях [Зубкова, 2001: 98].

Человеческое сознание способно одновременно концентрировать внимание на предметах внешнего мира и состояниях внутреннего опыта, которые сопровождают это внимание.

Януш Рейковский замечает, что, в силу своего рефлексивного характера, сознание – это высоко интегрированная система регуляции психических процессов. Благодаря этой системе человек способен не только воспринимать и эмоционально реагировать на окружающий мир, но и регистрировать это особым образом [Рейковский, 1979: 54]. Иначе говоря, он не только переживает, но осознает и осмысляет эти переживания.

Ученые определяют несколько типов сознания: обыденное, религиозное, научное, философское. Каждый из них может проявляться в индивидуальном сознании отдельного человека или коллективном сознании народа. Каждому этносу свойственна «ментальная неповторимость», характеризующаяся формами взаимодействия с природой, коммуникативными нормами и психологическими особенностями. Менталитетом называют такой специфический способ мировосприятия [Сухарев-Сухарев, 2000: 9; Стефаненко, 2000: 140]. Национальный менталитет впитывается человеком в течение всей его жизни, влияя на то, как он реагирует на окружающий мир, его модели поведения, способы общения, систему ценностей [Сухарев-Сухарев, 2000: 12]. Свой вклад вносят и экономические условия, политические изменения, природные явления, контакты людей с другими этническими группами [Попова-Стернин, 2001: 67].

Общественное сознание или менталитет близко к понятию «картины мира». Картину мира является результатом интерпретации мира

индивидуумом или коллективом, а не отражает окружающую действительность, поскольку в мышлении человека существует в форме абстракции понятий и их отношений [Колшанский, 1990: 23].

Картина мира – это комплексная сущность, кроме научно-понятийного знания включающая в себя религиозный опыт, знания об искусстве и идеологии, мифологическое и коллективное бессознательное [Петренко-Митина, 1997: 105, Постовалова, 1988: 21].

Картины мира разделяют на концептуальную и языковую. Отличие концептуальной картины мира от языковой заключается в том, что в ее формировании участвуют различные типы мышления. Обе картины мира, несмотря на различия, связаны между собой посредством языка, как средства общения и описания мира посредством слов и связей между словами и предложениями [Серебренников, 1988: 107].

По мнению В.Н. Телии, языковая картина мира - «это информация, которая распределена по всему концептуальному каркасу и связана с формированием концептов посредством языковых значений и их ассоциативных полей. Формирование концептов позволяет обогатить концептуальную систему языковыми формами и содержанием. Этот каркас используется носителями языка в качестве знания о мире [Телия, 1988: 177].

З. Д. Попова и И. А. Стернин под языковой картиной мира понимают отраженное в языковых знаках и их значениях представление о реальности. Иначе говоря, заложенную в значениях слов информацию о мире, языковое деление мира, упорядочение предметов и явлений. [Попова-Стернин, 2001: 68].

По мнению В. А. Рыбниковой, языковая картина мира – это сформулированная в понятиях часть концептуальной картины мира, учитывающая знания, воплощенные в языковой форме [Рыбникова, 2001: 8].

Каждый язык представляет некоторый способ описания окружающего мира при помощи концептов. Языковые значения, при этом, формируют общую для всех носителей языка философию, систему взглядов [Апресян,

1995: 38-39]. Действительность транслируется в концепты универсальным, но в то же время специфичным для каждого языка образом.

Языковая картина мира, являющаяся интерпретацией реальности, отраженной в языковой семантике, также рассматривается как комплекс представлений обывателей о жизни. Значит, фрагменты такой языковой модели могут как соответствовать нашим представлениям о действительности, так и, в некоторой степени, отличаться от них [Урысон, 1988: 3].

С. Г. Воркачев считает термин «языковая картина мира» достаточно условным, по причине семантического отражения в языке способов представления действительности. По его мнению, основываясь лишь на данных языковой семантики, можно воссоздать только карикатурный и схематичный образ мира. Причина этому – формирование фактуры отличительными признаками, положенными в основу категорий и номинаций предметов, свойств и явлений. Для получения адекватной языковой картины мира, в этом случае, требуется корректировка этого образа приобретенными эмпирически знаниями носителей этого языка об устройстве мира [Воркачев, 2001: 61].

В работах О. Г. Почепцова говорится о возможности рассмотрения языкового представления мира как языкового мышления. Автор указывает на то, что представить мир – это не только «сфотографировать» его, но и осмыслить, интерпретировать. Кроме того, получившееся представление осуществлено и существует в форме языка, а значит, носит характер [Почепцов, 1990: 111]. Языковое мышление отражает уровень знаний человека о действительности, как индивида и представителя социальной группы одновременно. Значит, оно отражает уровень знаний о мире и для этой социальной группы.

Языковая ментальность, по мнению Почепцова, это способ представить или разделить мир при помощи языка [Почепцов, 1990: 113]. Языковая ментальность, специфическая для этнической группы интерпретация мира –

это основа понятия «языковое сознание». Говоря о языковом сознании, обычно подразумевают отражение особенностей быта и культуры народа в языке [Зубкова, 2001: 98]. Категории языкового сознания, сформулированные системой лексических и фразеологических средств, фиксируют, интерпретируют и обобщают всю жизнь человека, осмысленную в общественном сознании [Алефиренко, 2000: 10]. Языковое сознание, формируемое значениями слов языка [Крюков, 1988: 27], содержит субъективный, специфичный для выбранной национальности, образ мира и характерные для него стереотипы и представления [Зубкова, 2001: 98].

Языковое сознание, как воплощение народного представления о мире в языковой форме, может быть рассмотрено в качестве основного критерия языковой личности [Никитина, 1993: 9-10].

Языковая личность, как понятие, является результатом преломления социологических, психологических и философских воззрений на общественно значимый комплекс вербальных особенностей [Богин, 1986: 3; Сухих-Зеленская, 1997: 64].

Структура языковой личности содержит три уровня:

- вербально-семантический (владение естественным языком);
- когнитивный (понятие, концепты, идеи);
- прагматический (мотивы и цели, интересы, установки и намерения) [Караулов, 1987: 38; 1989: 3-5].

Использование уровневой модели обобщает множество конкретных языковых личностей в данной культуре. Значимость каждого уровня в составе личности может отличаться. Языковая личность содержит также личностный, культурологический и мировоззренческий компоненты [Маслова, 2001: 119].

Каждый человек по-своему уникально постигает мир и формирует языковую личность. Но, несмотря на уникальность его сознания, нельзя исключать наличия в нем общих постоянных структур, свойственных разным

профессиональным, социальным или этническим группам по отношению к каким-либо аспектам действительности [Петренко-Митина, 1997: 179].

В. А. Маслова обращает внимание на функционирование языковой личности в культурном пространстве, отраженном в языке формами общественного сознания на научном, бытовом и других уровнях, а также в стереотипах поведения, нормах, материальной культуре и пр. [Маслова, 2001: 119].

Поскольку носителями культуры в языке являются как индивидуум, так и языковой коллектив, языковую личность можно понимать как «закрепленный прототип его носителя» или «смысловой фоторобот», который состоит из поведенческих реакций, ценностных приоритетов и мировоззрения, и отражен в словаре [Воркачев, 2001: 66]. Этот подход требует изучения языковой личности и языкового сознания через взаимодействие культуры и языка, что переносит эти понятия в разряд базовых для такой междисциплинарной области науки, как лингвокультурология.

Лингвокультурология рассматривает язык как звено, соединяющее психическую и общественно-культурную жизни и, одновременно, являющееся орудием их взаимодействия. Эта дисциплина основана на трех понятиях – язык, культура и человек [Бенвенист, 1974: 45] и призывает к определению духовной и материальной самобытности народов [Воркачев, 2001: 65] посредством изучения их языка. Еще в XIX веке В. Гумбольдт писал, что «язык является слепком с мировоззрения и духа говорящего» и основа настоящего языкового исследования – это рассмотрение языка, как орудия чувств и мыслей народа [Гумбольдт, 1985: 373, 376, 397].

По мнению В. А. и М. В. Сухаревых, «язык народа является самым существенным его достоянием, самым живым выражением его характера, самой энергичной связью его с мировой культурой... Как человека можно распознать по обществу, в котором он вращается, так о нем можно судить и по языку, которым он выражается... Язык народа является зеркалом его

мыслей. Умственный склад каждой нации отличается как стереотип в ее языке» [Сухарев-Сухарев, 2000: 19].

С. Г. Тер-Минасова выделяет среди функций языка:

- Отражение менталитета и традиций его народа;
- Хранение в лексике, грамматике, идиоматике, художественной и научной литературе его культурных ценностей;
- Передачу его сокровищ из поколения в поколение;
- Формирование личности человека;
- Преобразование людского потока в этнос, формирование нации через хранение и передачу культуры [Тер-Минасова, 2000: 14-15].

Изучение взаимодействия культуры и языка лингвокультурологией носит интегральный характер, т.к. она:

- Формирует комплекс философско-культурологических и лингвистических традиций;
- Ориентирована на системное описание языка и культуры;
- Базирована на сопоставлении различных культур и языков [Воробьев, 1997: 298].

Предметом лингвокультурологии является исследование этнической семантики языковых знаков, образующихся при взаимодействии культуры и языка. Результатом такого процесса является превращение единиц языка в культурные единицы, что позволяет им служить инструментом для представления её установок [Телия, 1999: 14]. Следовательно, язык обладает способностью представлять культурно-национальную ментальность его носителей и является инструментом сознания. Языковое сознание, таким образом, это отраженный в языке способ интерпретации мира, присущий тому или иному лингвокультурному сообществу.

Выводы по 1 главе

Приоритетными в современной лингвистике признаются научные изыскания, выполненные в рамках филологического концептуализма. Его базисным термином выступает концепт – сложное структурно-смысловое образование, не имеющее сегодня однозначного толкования среди ученых.

В рамках лингвокогнитивного подхода концепт понимается как ментальная единица, которая отражает знания и опыт человека, сформированные им в результате концептуализации действительности. Сторонники когнитивного направления включают в содержание концепта лишь основные категориальные признаки обозначаемого в отвлечении от конкретного и оценочного. Наблюдается отождествление концепта и понятия.

Сторонники лингвокультурологического направления полагают, что концепт значительно шире понятия: в содержание концепта включаются не только категориальные признаки обозначаемого, но и вся сопутствующая культурно-фоновая информация.

Важным аспектом изучения концептов является определение и описание бытования этих многомерных метальных образований в основных областях общественного сознания. Изучение способов освоения того или иного концепта в разных типах дискурса позволяет раскрыть и комплексно описать сущность, признаки и функции.

Лингвокультурология, как молодая наука, разрабатывает собственные методы исследования языкового материала, принимая во внимание предшествующий научный опыт и учитывая специфику исследуемого материала.

Понимание сущности эмоционального концепта как культурно отмеченного вербализованного смысла, которым носитель языка наделяет свои эмоции, позволяет выделить в нем понятийный, образный аспекты,

экспликация которых предполагает использование различных методов анализа.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ

Пословицы и поговорки (их общее название паремии) как произведения народного творчества представляют собой уникальное явление. Эти языковые единицы не только содержат разнообразные широкие сведения о национальных бытовых реалиях, но и, будучи образцами высокой культуры, отражают многовековой опыт народа, его мудрость, духовные и нравственные ценности и ту систему знаний и представлений, которая характеризует самосознание народа. За пословицами и поговорками прочитывается народная психология, черты менталитета, особенности его мировидения и миропонимания. По меткому замечанию И. М. Снегирева, «нигде столь явственно не проявляется дух и характер народа, как в его пословицах» [Снегирев, 1996, с.283].

Задачей данной части исследования является выявление определяющих признаков эмоциональных концептов «страх/fear» и «зависть/envy» на основе анализа значений лексем, описывающих данные концепты в рамках русского и английского языков, для последующего сопоставления полученных результатов. Материалом исследования послужили английские пословицы и поговорки с компонентом страх/fear, зависть/envy и производные этих слов, извлеченных путем сплошной выборки из словарей. В общей сложности собрано и проанализировано 462 паремических единицы, соответствующих нашим требованиям.

2.1. Понятийная составляющая эмоционального концепта «страх/fear».

В толковых словарях «страх» – это состояние сильной тревоги или душевного смятения, вызванное ожиданием реального или воображаемого бедствия, какой-либо опасности [ТСУ, МАС, МАС2, МТСРЯ, ТСД, ССРЛЯ]. На основании приведенных толкований, можно выделить следующие семантические признаки «страха»:

- 1) Сильная тревога
- 2) Душевное смятение
- 3) Реальная опасность
- 4) Воображаемая опасность
- 5) Бедствие

В английском языке fear определяется как «an unpleasant, painful, emotional state; strong feeling caused by the nearness, possibility or expectations of danger, evil or harm; anticipating pain, accompanied by anxiety, agitation and heightened autonomic activity of nervous system» [CODCE, WNWDAE3, SD, HD, WNID3, POD, PED, NBED, CEED, LDELC]. Определим семантические признаки:

- 1) Дискомфорт;
- 2) Ожидание боли;
- 3) Близость опасности;
- 4) Тревога;
- 5) Возбуждение;
- 6) Повышенная активность нервной системы;
- 7) Психосоматические изменения.

В английском языке существенный признак слова fear – психологический дискомфорт, неприятное эмоциональное состояние, а для русского языка это менее существенно.

В английских дефинициях fear присутствует сема ожидания боли, которая отсутствует в русских словарях.

Душевное смятение является характерным признаком для русского национального сознания. Тревожное состояние, связанное с волнением и

беспокойством, выделяется в большинстве источников русского языка. В английском языке эта сема не выделяется.

Общим характерным признаком страха для обоих языков служит его причина – близость или ожидание конкретной опасности, бедствия. Отдельно отметим характерное только для русских источников ожидание не только реальной, но и воображаемой опасности.

2.2 Понятийная составляющая эмоционального концепта «зависть/envy».

В толковых словарях «зависть» - это чувство досады или сожаления, вызванном благополучием или успехом другого [ТСРЯОШ, ТСЖВЯД, ТСУ, МТСРЯ]. Из этого толкования можно выделить следующие семантические признаки:

- 1) Досада
- 2) Обида
- 3) Негодование
- 4) Сожаление
- 5) Стремление к материальным или нематериальным благам
- 6) Нежелание добра другому.

Отдельно отметим употребление слова «зависть» в контексте «на зависть» - сделать что-либо так хорошо, что другие будут завидовать. Также часто встречается выражение «не завидовать чему-либо» - сожалеть о неприятности, случившейся с другим человеком.

В русском языке «черная зависть» - это чувство зависти, сопряженное с желанием причинить зло или вред объекту, в отношении которого она испытывается.

В английских словарях envy определяется как «feeling of wanting something that someone else has; feeling you wish you have when you wish you could have the same thing or quality that someone else have; feeling of jealous resentment (at another's better fortune); feeling of discontent you have when someone possesses things that you would like to have for yourself; ill-will caused by another's good fortune, wealth, success, advantages etc.» [LDCE, CCEDAL, ODEL, ALDCE, OSDCE, MED]. Определим семантические признаки:

- 1) Досада
- 2) Негодование
- 3) Удача, состояние или успех другого человека
- 4) Неприязнь
- 5) Расстройство
- 6) Соперничество

7) Ревность

Встречается устойчивое выражение «to be the envy of» в значении «to be someone or something that other people admire and want to have very much», а также «not to envy a person something» в значении «to be glad or pleasant that something is not mine». Характерным для русского языка является обида, сожаление и нежелание добра другому, для английского – расстройство, соперничество и ревность. Черная зависть также является уникальным термином русского языка.

2.3. Предметно-образное содержание пословиц и поговорок, вербализующих концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах.

Классифицируем паремии по критерию их смысловой близости, что позволит объединить похожие пословицы и поговорки в тематические группы.

Проанализировав 122 английских и 118 русских паремий, вербализующих эмоциональный концепт «страх» можно заключить, что предметно-образное содержание исследуемого концепта имеет больше различий, чем сходств. Из 13 выделенных тематических групп, только 5 являются общими для обоих этносов. Общность этих групп обусловлена сходством, но не эквивалентностью – пословицы содержат похожие идеи, но имеют различное лексико-грамматическое оформление.

Пословицы русского и английского языков объединены идеей боязни незначительного и неопасного субъектом, пережившим однажды ситуацию опасности. Русский язык богат пословицами и поговорками, содержащими зооморфизмы: «Пуганая ворона куста боится», когда в английском языке «A burnt child dreads the fire». О том, что в английской культуре страх помогает людям принимать меры предосторожности, свидетельствует английская пословица «Threatened folks live the longest: they take precautions».

Тема страха перед смертью раскрывается в пословицах и поговорках обоих сравниваемых языков. Однако, отношение к смерти, как к причине для возникновения страха, в английских и русских паремиях различается. В сознании русскоязычного человека смерть – это неизбежное событие, его рассматривают как переход на иной уровень бытия. Боязнь смерти – естественное чувство любого человека: «Жив смерти боится» или «Страх сильнее смерти». Он принимает смерть со смирением, как неизменный и неизбежный финал жизни. Такое отношение – часть русской культуры и традиций. Англоязычные пословицы говорят о том, что страх смерти сильнее

самой смерти: «The fear of death is more to be dreaded, than the death itself» и осуждают это чувство: «If you fear death, you are already dead».

Сравниваемые лингвокультуры имеют общую тему эмоциональных концептов «страх», заключающуюся в способности влиять на мысли и поступки людей. Однако, характер этого влияния различен: в английском языковом сознании страх может быть положительным, играющим адаптивную роль агентом: «A good scare is worth more to a man than good advice», «Fear is the beginning of wisdom», иметь нейтральный: «Men who are afraid are in love with fear», «Those who came were not afraid: those who were afraid didn't come» или негативный характер: «Our fears do make us traitors», «A slave to fear creates the hell on earth». В русском языковом сознании страх – нейтрален: «На всяку беду страху не напасешься», «Не стоит тратить свою жизнь на страх». Наряду с восприятием смерти, отношение к страху для русского человека имеет философский характер.

Наивному, неискушенному человеку страх не ведом – эта тема также является общей для обоих сравниваемых лингвокультур. Английская пословица «Newborn calves don't fear tiger» обращает внимание на том, что возможность испытывать страх – это не врожденное, а приобретенное качество. Русская пословица «Глупый, что голый, ничего не боится» говорит о том, что страх – это осознанная эмоция, ведомая только тому, кому есть что терять.

Отметим несколько тем, специфичных для английского языкового сознания. Среди них, персонификация образа страха, выступление его в роли учителя, наставника: «Fear is not a lasting teacher of duty», «Fear is a great inventor». Распространено наделение образа страха описательными характеристиками: «Fear has many eyes» или «Fear has a quick ear». Среди анализируемых пословиц и поговорок можно выделить группу указывающих на несоответствие испытываемого страха его реальной причине. Например, в пословицах «Fear is greater than the reason for it» или «A threatened blow seldom given». Отдельно отмечается, что безосновательный страх является

опасным сам по себе: «Foolish fear doubleth danger», «From fear of breaking it you break the crystal».

В английской культуре страх – непреодолимое препятствие, с которым невозможно бороться: «There is no medicine for fear» или «If you fear to suffer you suffer from fear». Его необходимо терпеливо переносить, надеясь на возможное избавление: «Let the fearful be allowed to hope» или «He has no hope who never had fear». Напротив, в русской культуре только активные действия позволяют справиться со страхом, что подтверждают известные поговорки: «Глаза страшатся, а руки делают», «Дело мастера боится».

Как в английской, так и в русской культуре, эмоциональный концепт «страх» переключается с концептами «храбрость» и «мужество». Мужество неотделимо от чувства страха: «Courage is fear that has said its players», «One must have courage even to fear». В русском языке смелость, бесстрашие, поощряется: «Смелого удача догоняет», «Смелый там найдет, где робкий потеряет». Однако в русских пословицах важным критерием храбрости является ее своевременность. Следующие примеры показывают ироничное отношение к несвоевременным или излишним проявлениям храбрости, которые не одобряются в русской культуре: «Все собаки сильны у себя во дворе», «Хорошо медведя в окно дразнить!». На примерах понятных русскому человеку образов животных, наделенных человеческими качествами, показано осуждающее отношение к противоречию между показной храбростью и действительными поступками человека: «Повадки волчьи, а душа заячья», «Сердце соколье, а смелость воронья».

Также в обоих сравниваемых лингвокультурах есть паремии, в которых исследуемый эмоциональный концепт раскрывается через пограничный концепт «трусость». Трусость противопоставляется храбрости и осуждается: «It is folly to die through fear of dying», «Несмелый всегда позади». Трусы наделяются качественными характеристиками: «Cowards are cruel». К особенностям русской культуры можно отнести примеры оправдания трусости ради самосохранения: «Бег не честен, да здоров».

По моему мнению, при раскрытии эмоционального концепта «страх» через «трусость» и «храбрость», английские паремии более категоричны, полярны. Русские пословицы и поговорки – более «мягкие», чаще оправдывают чувство страха, относятся к нему с пониманием. Это, вероятно, является свидетельством различий в характерах людей в сравниваемых культурных группах.

Важной темой английских паремий является преждевременность страха, испытываемого субъектом, относительно события, связанного с этим: «Let's fear no storm, before we feel the shower» или «Don't be afraid of tomorrow, look what could happen today». Чувство страха может иметь продолжительный характер: «Endless are torments of him who fears himself».

Еще одной характерной темой для паремий английского языка является возможность использования эмоционального концепта «страх» как инструмента манипулирования людьми: «Terror is a great temptation. He threatens who is afraid». В русских паремиях эта тема не раскрывается.

Проведенная работа по классификации и сравнению исследуемых паремий из английской и русской лингвокультур позволяет заключить о наличии как сходств, так и различий в их предметно-образном содержании.

Для обеих культур характерны темы страха как привычки среди тех, кто однажды оказался в опасности. Тема страха перед смертью - общекультурна, и это подтверждается изученным материалом, однако отношение к этому событию в жизни людей разных культур различно. Также общей является возможность страха оказывать влияние на мысли и поступки людей, но в английской культуре это влияние простирается от резко негативного, до позитивного. Схоже и отношение к страху, как к чувству приобретенному. Храбрость и мужество с одной стороны, и трусость с другой – эти качества всегда находятся рядом со страхом. Здесь русские пословицы богаты зооморфизмами, критикуют безосновательные бравады, а проявление трусости не всегда осуждается.

Специфичными для английской лингвокультуры стали паремии, персонифицирующие страх и наделяющие его описательными характеристиками. Характерно отношение к страху, как к непреодолимому, справиться с ним можно только терпением и надеждой. Отдельно можно обратить внимание на пословицы, посвященные преждевременному чувству страха, которые не нашли аналогов в русском языке.

Завершив анализ паремий, содержащих эмоциональный концепт «страх», перейдем к рассмотрению эмоционального концепта «зависть».

2.4. Предметно-образное содержание пословиц и поговорок, вербализующих концепт «зависть» в английской и русской лингвокультурах.

По аналогии с паремиями страха, проведем смысловую классификацию. Проанализировав 166 русских и 56 английских пословиц и поговорок, полученных методом сплошной выборки, можно выделить 9 групп, две из которых целиком представлены только паремиями русского языка.

Наибольшее подтверждение в пословицах находит факт, что чувство зависти опасно для завистника и окружающих его людей. Среди них:

- Зависть целится в других, а ранит себя;
- Завистливый по чужому счастью сохнет;
- В лихости и зависти нет ни проку, не радости;
- Любит кричать воробей, что соловьи затерли, а сам от зависти чирикать разучился;

И на английском:

- Envy eats nothing but its own heart;
- Envy shoots at others, and wounds herself;
- Envy envies itself;
- Envy never has a holiday;
- Hatred blasts the crop on the land, envy the fish in the sea.

Еще одна общая тема – взаимосвязь зависти и восторженной похвалы, лести. Например: «Envy is the sincerest form of flattering», «Envy is a kind of praise» или «У лицемера хвалы мешок, а у завистливого хулы горшок». Другая пословица гласит, что «В зависти нет корысти».

Зависть – чувство, часто следующее за успехом, достижениями или счастьем других людей. Подтверждение этому – в пословицах «Things most excellent are ever most envied», «Envy is the companion of honor», «Envy can abide no excellency». В русском языке можно найти только одну похожую паремию: «Где счастье, там и зависть».

Пословицы английского языка говорят нам, что благородство и настоящая дружба не могут соседствовать зависти: «Envy is destroyed by true friendship», «Envy never dwells in noble soul». Но если это все же произошло, то «Friend's envy is worse than an enemy's hatred». В русском языке похожих паремий не найдено.

В обоих сравниваемых языках находится большое количество паремий, на практических примерах демонстрирующих проявления зависти:

- The girl looks fine, but she isn't mine;
- It is good fish if it were but caught;
- Grass is always greener on the other side of the fence;
- Хороша Маша да не наша;
- Хороша рыба на чужом блюде;
- Сосед спать не дает - хорошо живет.

Среди русских паремий широко представлены пословицы, демонстрирующие отрицательно окрашенную «ненасытность» зависти:

- Бездонной кадки водою не заполнишь;
- В провальную яму не напасешься хламу;
- Дай с ноготок, запросит с локоток;
- Денег вволю, а еще б поболе.

В английском языке находится только один вариант: «Envy and covetousness are never satisfied».

Сравниваемые лингвокультуры имеют общую тему, связанную с особой завистью священнослужителей – попов («Завистливый поп два века живет») или монахов («No envy like a monk's»).

Обида, досада, сожаление – спутники зависти, характерные лишь для русских паремий: «Не то забедно (досадно), что воз велик наклал, а то забедно, что сам сидит»; «Завидки берут, что нам не дают»; «Жалеть будешь сусли, когда брага кисла». Некоторые из таких паремий вызывают к Богу, как способному устранить несправедливость, причину для зависти: «Господи, Господи! Свою часть проспали, к людям приваливают, от нас отваливают».

Продолжением религиозной темы становится пословица, иллюстрирующая понятие «черной зависти», граничащей с желанием смерти: «Господи, Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет (у кого денег много, да жена хороша)».

Сравниваемые лингвокультуры одинаково положительно оценивают мысль, что «Better be envied than pitted», или «Лучше быть в зависти, чем в жалости», «Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине».

В англоязычных пословицах содержится суждение о том, что зависть сродни болезни: «If envy were a fever, all man-kind would be ill» или «If envy were a rash, the whole town would be ill».

Как и с эмоциональным концептом страха, паремии зависти сравниваемых языков находят сходство в тех темах, которые являются общекультурными: успех и счастье других – как мотиватор зависти, ее разрушающее свойство, прикладные жизненные иллюстрации, религиозная специфика. К особенностям английской языковой культуры можно отнести наличие акцентов на несовместимости зависти и благородства, дружбы, а также сравнение зависти и болезни. Среди характерных для русской культуры – «черная зависть» и сопряженная с завистью обида, досада.

Выводы по 2 главе.

Изучение понятийной составляющей концептов «страх» и «зависть» позволило выделить общие и специфичные для каждого из исследуемых языков семы. Выделенные семы позволили приступить к решению задачи классификации паремий, полученных путем сплошной выборки из словарей. Всего было проанализировано 354 русских и 178 английских паремий.

Для каждого эмоционального концепта были сформированы тематические группы, которые заполнялись схожими паремиями. Этот подход позволил провести анализ предметно-образного содержания концептов.

Были обнаружены тематические группы, содержащие паремии обоих исследуемых лингвокультур. Ключевым отличием этих групп стала их общекультурная тематическая направленность.

В том случае, когда тематическая группа содержала исключительно или преимущественно паремии одной языковой группы, эта тема задавалась специфическим менталитетом народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом выполнения настоящей работы стал анализ предметно-образного и понятийного содержания эмоциональных концептов «страх» и «зависть» на материале английского и русского языков. Выбор предмета исследования обусловлен самой историей возникновения данных языковых явлений. Паремические единицы имеют народное происхождение, что их первоисточник находится в коллективном разуме народа. Исследуемые нами эмоциональные концепты играют важную роль в жизни человека, поэтому паремии о страхе и зависти занимают значительное место в фондах английского и русского языков.

Для проведения анализа было проведено многостороннее изучение понятий «концепт», «языковая картина мира», «эмоциональный концепт». Были рассмотрены методы исследования концептов, а также методы и методики лингвокультурологического исследования.

Изученный материал позволил провести понятийный анализ эмоциональных концептов. Для анализа было отобрано 122 английских и 118 русских паремии с концептом страх, 56 английских и 166 русских паремии с концептом зависть. Отбор паремий проводился методом сплошной выборки из словарей. Результаты понятийного анализа были использованы в тематической классификации паремий, проведено лингвокультурологическое исследование этих групп.

Все поставленные задачи можно считать выполненными, цель работы – достигнутой.

Полученные результаты могут быть использованы в практике лексикологии, межкультурной коммуникации, теоретической грамматики русского и английского языков, а также в практике перевода.

Библиографический список.

1. Абакарова Н. М. «Круг» как концепт в контексте творчества Д. Донна и Т. Элиота // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 47 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Парадигмальные проблемы современного языкознания. // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Материалы Междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков» - Волгоград: Перемена, 2000. – 10 с.
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. – М.: Наука, 1995. – 38-39 с.
4. Арутюнова Н. Д. Введение.//Логический анализ языка. Ментальные действия. - М.: Наука, 1993. – 278 с.
5. Аскольдов С. А. Концепт и слово// Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. – 272-274 с.
6. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1996. – 449 с.
7. Бенвенист Э. общая лингвистика. – М.: прогресс, 1974. – 45 с.
8. Богин Г. Е. Типология понимания текста. – Калинин: изд-во Калининск гос.ун-та, 1986. – 3 с.
9. Болдырев Н. Н. Конгнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: изд-во ТГУ, 2000. – 35 с.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. – 334 с.
11. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийная составляющая //Язык в мире и мир в языке. Материалы Международной научной конференции, М: Гнозис, 2001. – 83 с.
12. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) М.: Изд-во российского ун-та дружбы народов, 1997. – 12 с.
13. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 373, 376, 397 с.
14. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2002.- 214 с.

- 15.Дорфман Л. Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997. – 148, 161 с.
- 16.Зубкова Л. Г. Лингвистические учения конца XVIII - начала XX века: развитие общей теории языка в системных концепциях. М., 1989. – 32 с.
- 17.Зубкова Я. В. Время в языковом сознании: подходы к изучению. // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб, науч. тр./ВГПУ - Волгоград: Перемена, 2001. 97-104 с.
- 18.Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. – 13-15 с.
- 19.Карасик В. И. аспекты языковой личности.//Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. /ВГПУ – Волгоград, 2001а. – 124 с.
- 20.Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения (Предисловие) //Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 3-5 с.
- 21.Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 38 с.
- 22.Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивный аспект): Автореф. дисс...канд. филол. наук. Тула, 1996.
- 23.Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... СПб.:Златоуст, 1999. – 156, 284 с.
- 24.Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 23 с.
- 25.Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография – Волгоград: Перемена, 2001а. – 55, 60, 74 с.
- 26.Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация. // Этнопсихолингвистика. / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковкина, А. Н. Крюков и др. Отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – 57 с.
- 27.Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка//Русская словесность от теории словесности к структуре текста. М., 1997. – 97, 281 с.

28. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001. – 119 с.
29. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. – 9-10 с.
30. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. – М.: СГУ, 1997. – 105, 179 с.
31. Попова З. Д. Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001 – 67, 82, 191 с.
32. Попова З. Д. Стернин И. А. понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Истоки, 1999. – 3, 57, 72-74 с.
33. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека. //Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира./ Отв. ред. Б. Л. Серебренников. - М.: Наука, 1988. – 21 с.
34. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1990. - №6, 113 с.
35. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. - М.: Прогресс, 1979. – 54-55, 392 с.
36. Рыбникова В. А. Языковая концептуализация социума (на материале английских дидактических текстов): Автореф. дис...канд. филол. наук. –Краснодар, 2001. – 8 с.
37. Серебренников Б. Л. Как происходит отражение картины мира в языке? //Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Отв. ред. Б. Л. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 107 с.
38. Степанов Ю.С. Константы. словарь русской культуры: опыт исследования. М.: 1997. – 40-41, 45-54, 68 с.
39. Стернин И. А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта?// Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. Шк. – семинара по когнитивной лингвистике, 2000. – 4 с.
40. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология – М. ИП РАН, Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. -140, 320 с.
41. Сухарев В. А, Сухарев М. В. Европейцы и американцы глазами психолога. – М.: Беларусь, 2000. – 9, 12, 366 с.
42. Сухих С. А., Зеленская В. В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации. Краснодар: Кубан. Гос. Ун-т, 1997. – 64 с.

43. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. //Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира./отв. ред. Б. Л. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 177 с.
44. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. – 260-262 с.
45. Тер-Минасова С. Г. Межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – 14-15 с.
46. Тильман Ю. Д. Культурные концепты в языковой картине мира : дис. Кан.филол.наук – М., 1999. - 47 с.
47. Урысон Е. В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) //ВЯ 1988 №2 . – 3 с.
48. Фархутдинова Ф. Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново, 2000. – 24, 33-39 с.
49. Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение. Курск. : Наука, 2000. – 79 с.
50. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты. //Языковая личность: культурные концепты: Сб, науч. тр./ВГПУ, ПМПУ –Волгоград, Архангельск, 1996. – 19, 86, 87 с.
51. Эпштейн Дж. Зависть (семь смертных грехов): пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 191 с.

а. Источники языкового материала

52. ALDCE – The advanced Learner's Dictionary of Current English. – М.: «Сигма-пресс», 1996. – 1203 p.
53. CCEDAL – Collins COBULD English Dictionary for Advances Learners. – The University of Bermingham, 2001. – 1824 p.
54. CEED – Collins Essential English Dictionary. – William Collins Sons & Co Ltd, 1994

- 55.CODCE – Concise Oxford Dictionary of Current English. – 7th Edition. – Oxford at the Clarendon Press, 1984.
- 56.CORD – Concise Oxford Russian Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1998. - 1007 p.
- 57.HD – Hornby A.S. Oxfords Advanced Learner's Dictionary of Current English.- Oxford University Press, 1982
- 58.HSD – Home Study Dictionary. – Peter Haddock Ltd, 1987
- 59.LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Burnt Mill, Harlow: Longman Group Ltd, 2000. - 1668 p.
- 60.LDELC - Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Limited, 1992
- 61.MED – Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition, 2003. -863 p.
- 62.NBED – The new Bantam English Dictionary. – Toronto, 1979
- 63.ODEL – The oxford Dictionary of the English Language = Оксфордский толковый словарь английского языка / Дж. М. Хокинс. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 828 с.
- 64.ORD – Oxford Russian Dictionary edited by Paul Falla. – Oxford – Moscow, 1999. – 734 p.
- 65.ORED – Oxford Russian-English Dictionary by Marcus Wheeler. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 913 p.
- 66.OSDCE – Oxford's Students Dictionary of Current English – Oxford: Oxford University Press, 1983. – 769 p.
- 67.PED – Practical English Dictionary. – London, 1967
- 68.POD – The pocket Oxford Dictionary. – Oxford University Press, 1984
- 69.SD – School Dictionary/ Edited by W. D. Halsey. – N.Y., 1987
- 70.WNID3 – Webster's Third New International Dictionary. – Encyclopedia Britannica, inc.,1993. – Vol.3
- 71.WNPD – Webster's New Practical Dictionary. – USA: Harvard Press, 1951

72. WNWD AE3 – Webster’s New World Dictionary of American English. – 3-d Edition, 1998
73. А. И. Григорьева 1500 русских и 1500 английских идиом. М., СПб, 2012
74. АСРС – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
75. БСЭ - Большая советская энциклопедия. Т.20. М., 1975. – 1049 с.
76. БЭС - Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., СПб, 2000 – 568 с.
77. Даль В.И. Пословицы русского народа М. 1997 –сборник
78. ЛСС - Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник М., 1976 – 47 с.
79. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь М., 1990 – 384 с.
80. М.В. Буковская Словарь употребительных английских пословиц. М., 1988
81. М. Дубровин A book of English and Russian proverbs and sayings. М., 1993
82. М. Дубровин Русские и английские идиомы. М., 1996
83. МАС –Словарь русского языка. В 4-х томах / АН СССР, ин-т русского языка. – М., 1984.
84. МАС2 – Словарь русского языка. В 4-х томах /АН СССР, ин-т русского языка. – М., 1984.
85. МТСРЯ – Лопатин В. В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990.
86. НОССРЯ – Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Русские словари, 1995.
87. РАС – Русско-английский словарь / Под общ. рук. А. И. Смирницкого. – М.: «Русский язык», 1985. – 768 с.
88. СЛ – Ивин А. А. Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1998 – 148 с.
89. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок Н. Новгород, 1996
90. Современный философский словарь. Лондон-Франкфурт-на-Майне-Париж, Люксембург, Москва, Минск, 1998 –СФС

- 91.СОШ – Ожегов С. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1983.
- 92.ССРЛЯ – словарь русского литературного языка. В 11-ти томах / АН СССР, ин-т русского языка. – М.: 1963. Т. 14, 15.
- 93.СССРЯ – Словарь сочетаемости слов русского языка /Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1983.
- 94.СЭС - Советский энциклопедический словарь. 4-е издание. М., 1986 – 633 с.
- 95.Т. М. Гарбузова Английский язык в пословицах и поговорках. Ростов-на-Дону, 2013
- 96.Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты М.,1996
- 97.ТС(ЖВЯ)Д – Даль В. Л. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1982. – Т.3. -714 с.; Т.4. – 699 с.
- 98.ТСУ – Толковый словарь русского языка. В 4-х томах / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М., 1935. – Т.1. – 844 с.; Т.3.-714 с.
99. ФС - Философский словарь М.,1991 – 351 с.
100. ФЭС - Философский энциклопедический словарь. М., 1983, М., 1999 – 83 с.

Приложение.

Приложение №1

Тематическая классификация пословиц и поговорок, описывающих эмоциональный концепт «страх/fear».

Английский	Русский
Персонификация страха	
Fear has many eyes. Fear has quick ear. Fear is the father of cruelty. Fear is a great inventor. Early and provident fear is the mother of safety.	
Страх - учитель	
Fear is an instructor of great sagacity and the herald of all revolutions. Fear is not a lasting teacher of duty.	
Страх –непреодолимое препятствие	
It is foolish to fear what cannot be avoided. Fear is so afraid that it fears even that which you could help. Nobody would be afraid if he could help it. If you fear to suffer, you suffer from fear.	
Испытавший однажды страх – бережется	
Threatened folks live the longest: they take precautions. The scolded dog fears cold water. A burnt child dreads the fire. Men are eager to tread underfoot what once they feared.	Пуганный зверь и воробья боится. Кого медведь драл, тот и пенька в лесу боится. Пуганая ворона куста боится. Обжегся на молоке дует на воду.
Неискушенный, наивный человек не боится	
Newborn calves don't fear tigers.	Глупый, что голый, ничего не боится.
Трусость осуждается	
Cowards die many times before their deaths. It is folly die through fear of dying.	
Трусость не вознаграждается	
	Несмелый всегда позади.

	Врага бояться – в живых не остаться. Хуже как боишься: лиха не минешь, только надрожись. Сробел – пропал.
Характеристика труса	
Cowards are cruel. A bully is always a coward.	
Поведение труса	
	Ядрам поклоны отдавать. Оглядываться, что волк на свой хвост. Покорную овцу трижды стригут. Смирного волка и телята лижут. Кроткая овца волку по зубам. Барана стригут, а у козы поджилки трясутся.
Трусость оправдывается	
	Бег не честен, да здоров. Не красен бег, да здоров.
Страх определяет поведение человека	
Негативное влияние	
Our fears do make us traitors. Fear made her devils, and weak hope her gods. Don't let fear hold you back. He threatens who is afraid. He who fears you present, will hate you absent. A slave to fear creates hell on earth. Fear may force a man to cast the moon. Panic, the handmaid of numbing fear.	
Положительное влияние	
The fear of one increases the courage of the other. Fear is the beginning of wisdom. A good scare is worth more to a man than good advice. Fear no man, and do justice to all men. You must always fear if you want to be safe. Fear keeps the garden better than the gardener.	
Нейтральная регуляция поступков	
He who is afraid doing too much always does too little.	Не стоит тратить свою жизнь на страх.

Men who are afraid are in love with fear. Those who came were not afraid: those who were afraid didn't come. Do right and fear no men; don't write and fear no women. Fear no men and do justice to all men. If you fear that people will know, don't do it.	На всяку беду страху не напасешься.
Темпоральный аспект страха	
продолжительный страх	
Better a fearful that fear without end. Endless are the torments of him who fears himself.	
время переживания страха	
Don't be afraid of tomorrow; look what could happen today	
преждевременный страх	
Let's fear no storm before we feel the shower. Fear follows the crime and is its punishment.	
Страх как средство манипулирования	
Terror is a great temptation. He who can hurt is dreaded even when not present. He threatens who is afraid. Whom a man fears he wishes to perish	
Причинность страха	
преувеличенные причины	
The fear is greater, than the reason for it. The less there is fear the less there is of danger. Fear is ten times more terrifying than danger itself. A threatened blow is seldom given. A barking dog seldom bites.	
преодолимые причины	
We seldom fear what we can laugh at.	
безосновательность страха	
It is torture to fear what you cannot overcome.	
безосновательность страха привлекает несчастья	
Foolish fear doubleth danger.	

What you fear happens sooner that you expect. From fear of breaking it, you break the crystal.	
соотношение страха и смерти	
Death, like life, is an affair of being more frightened than hurt. If you fear death you are already dead. The fear of death is more to be dreaded that death itself. It is not death or hardship that id a fearful thing, but the fear of hardship or death.	Страз сильнее смерти. Жив (человек) смерти боится. Бояться смерти – победителем не быть.
Страх и храбрость	
Courage is fear that has said its players. One must have courage even to fear.	
Отсутствие страха вознаграждается	
	Храбрый и под землей пробивается. Смелые глаза – молодцу краса. Смелый там найдет, где робкий потеряет. Бой отвагу любит. Без отваги нет и браги. Кто смерти не боится, того пуля сторонится. Смелого догоняет удача. Смелому горох хлебать, а робкому пустых щей не видать.
Страх порождает мужество	
	Мужество не бывает без страха.
Смелость и страх уживаются вместе	
	Умей бояться, умей смелым быть.
Смелым хорошо быть в других обстоятельствах	
	Сказал бы словечко, да волк недалечко. Собака в своей конуре храбра. Хорошо медведя в окно дразнить! Все собаки сильны у себя во дворе. Всякая собака в своем доме – лев. Из-за куста и ворона остра.
Запоздавшая храбрость	
	Храбр после рати, как налез на полати.

Внешность обманчива	
	Сердце соколье, а смелость воронья. Молодец среди овец, а против молодца и сам овца. Повадки волчьи, а душа заячья. Кто любит помыть другими – всегда трус.
Интенсивность страха	
Fear is stronger than love. Fear closes the cars of mind. Fear kills more than illness. Fear brings more pain than does the pain.	
Страх соотноситься с судьбой, Богом	
The fear of God makes the heart shine.	Бойся, не бойся, а року не миновать. В ком есть страх, в том есть и Бог. Кто Бога не боится, тот людей не стыдится. Бойся Бога, знай совесть.
Страх не исключает надежду	
Let the fearful be allowed to hope. Hope and fear are inseparable: there is no fear without hope. He that hopes not for good fears no evil. No hope could have no fear. Where no hope is left, is left no fear. He has no hope who never had fear. You will cease to fear of you cease to hope.	
Действие помогает преодолеть страх	
	Глаза страшатся, а руки делают. Кто идет вперед – того страх не берет. Дело мастера боится. Не помрешь, так и не похоронят. Волков бояться в лес не ходить.

Приложение №2.

Тематическая классификация пословиц и поговорок, описывающих эмоциональный концепт «зависть/envy».

Английский	Русский
Опасность	
Envy eats nothing but its own heart Envy shoots at others, and wounds herself Envy never dies The envious man shall never want woe Envy and idleness marries together begot curiosity Envy envies itself He who envies admits his inferiority Envy never enriches any man Envy doesn't enter an empty house Envy feeds on the living; it ceases when they are dead; Envy is the basest of all enemies; Envy is what inclines up to speak evil of the virtuous rather than of wicked; Envy never has a holiday; The envious die, but envy never; Love and envy make a man pine; Four good mothers beget four bad daughters: great, contempt, truth, hatred, virtue, envy, riches, ignorance; It's no use bursting with envy; Hatred blasts the crop on the land, envy the fish in the sea.	Зависть целится в других, а ранит себя Завистливый по чужому счастью сохнет Завистливый от зависти сохнет Сытый волк смирнее завистливого человека В лихости и зависти нет ни проку, не радости Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает Злой плачет от зависти, а добрый от радости От зависти пожелтел, от досады вспыхнул Лихоманка, да зависть – Иродовы сестры Любит кричать воробей, что соловьи затерли, а сам от зависти чирикать разучился Он завистлив врать, не уступи Не корыстна, а завистна; зависть по корысти, а корысть по зависти
Восторженная похвала и откровенная лесть	
Envy is a kind of praise Envy is a left-handed praise Envy is the sincerest form of flattering	У лицемера хвалы мешок, а у завистливого хулы горшок В зависти нет корысти
Зависть не терпит превосходства	
Envy can abide no excellency Things most excellent are ever most envied No good thing ungrudged at Envy (calumny) shoots at the fairest mark (flowers, virtue)	Где счастье, там и зависть

Envy is the companion of honor Honour is always attended on by envy Envy the companion of felicity The dog of envy barks at celebrity	
Зависть и друг	
Envy never dwells in noble soul Envy is destroyed by true friendship Friend's envy is worse than an enemy's hatred	
Чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого	
An envious man waxes lean with the fatness of his neighbour The girl looks fine, but she isn't mine It is good fish if it were but caught Grass is always greener on the other side of the fense (hill) The camel going to seek horns lost his ears He is not poor that has little, but he that desires much He goes long barefoot that waits for dead man's shoes	Берут завидки на чужие пожитки Чужая клеть пирогами пахнет Чужое добро в глазах рябит Курица соседа всегда выглядит гусыней Заветный перстенок и поношенный хорош Сосед спать не дает хорошо живет Завидливому и свой хлеб не сладок В чужих руках краюха за коврыгу (кус за ломоть) В чужих руках ноготок с локоток Людской Семен, как лук зелен, а наш Семен в грязи завален Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыток Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлебы спать не дают На чужой спине бремя легко Чужи дураки – загляденье каки, а наши дураки – невесть каки Чужим здоровьем болен У людей шило бреет, а у нас ножи неймут Хороша рыба на чужом блюде Чужой бедой сыт не будешь Не указывай на чужой зарод (кладь хлеба) вилами Свое добро теряет, а чужого желает На чужой лошади не наездишься На чужой обед надейся, а свой припаси По чужим карманам не ищи, свой стереги Чужая обида (беда, нагота) не

	разжива На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай Не разводи усок на чужой кусок На одного доброхота по семи завидчиков На чужой кусок не пяль роток, а свой припаси, да и в рот неси Хороша Маша да не наша В чужих руках ломоть велик, а как нам достанется, мал покажется Искав (желаючи) чужого свое потерял Ищай чужого о своем возрыдает За чужим погонишься, свое потеряешь Кто чужого желает, скоро свое утратит
«ненасытность» зависти	
Envy and covetousness are never satisfied	Бездонной кадки водою не заполнишь Блин съешь, а два вымечешь У жадного кадык перетянулся В провальную яму не напасешься хламу Горе наше –гречневая каша; есть не хочется, а покинуть жаль Горько есть, да жаль покинуть Дай бог много, а захочется и побольше Дай душе вволю, захочется и поболее Наглому дай волю, захочет и боле Дай с ноготок, запросит с локоток Дай кумушка щец, да и хлебец твой Денег вволю, а еще б поболее Добрался как волк до овчарни Дорвался, что корова до барды Привалил, что свинья к корыту Друг у друга ломоть из рук выбивают Есть много, а хочется больше Заехал в целик, да наклал воз на велик – ни с места; - зануздай мою колыбу! – а сам что ж? – ломоть в руках. – ну положи в шапку! – да не лезет Захотел от кошки лепешки, от собаки блина

Звонки бубны за горами, а нам
придут – как лукошко
Кабы у меня брюхо из семи овчин,
все один бы съел
Как беззобая курица, все голоден
Ложка узка, таскает по два куска,
развести пошире, вытащит четыре
Много, много, а еще бы столько;
многому научишь, сам без хлеба
будешь
На огонь дров не напасешься, печь –
яма
На портного прикладу не напасешься
На рать сена не накопишься
На собаку мяса не напасешься
Надолго собаке блин (только раз
глотнуть)
Назар все один слизал
Назови его братом, а он и в большие
(старшие) исхочет
Натолок в мешок, что и с места не
сволок
Не вылакает собака реки, так всю
ночь стоит над рекой и лает
Не дал бог ста рублей, а пятьдесят не
деньги
Не доставайся не никому (не
доставайся ж ни мне, ни тебе)
Не столько сможет, сколько хочется
Попу, что сноп, что стог – все
одно(все мило)
Сколько сможет, столько и хочется.
Много сможет, вдвое захочется
Пила бы пиявка еще, да залубенело
брюшко
По сладостям и слюнки текут
Чур одному, не давать никому
Эту щебенку шиной да подковой не
накормишь
Яства много, коли брюха не жаль
Чего хочется, того и просится
Чего нет, того и хочется
Хоть лопни брюшко, да не оставайся
добро
Хороша жена, да завистлива

	Позавидовал бобыль безпахотному Позавидовал плешивый лысому
Зависть и священнослужители	
No envy like a monk's	Завистливый поп два века живет
Обида, жалость, досада и ненависть	
	Не то забедно (досадно), что воз велик наклал, а то забедно, что сам сидит Не то обида, что вино дорого, а то, что целовальник богатеет Господи, Господи свою часть проспали, к людям приваливают, от нас отваливают Завидки берут, что нам не дают Жалеть будешь сусла, когда брага кисла
зависть, граничащая с желанием человекоубийства	
	Господи, Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет (у кого денег много да жена хороша)